

УДК 81 -13; 81.411.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-113-129

К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ: ФСК ВЗАИМНОСТИ И ФСК ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

Радзиховская В.К.

Московский педагогический государственный университет

119991, Москва, улица Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья исследует взаимодействие полей (взаимности и темпоральности), т. е. задачу, поставленную в функциональной грамматике, выделяющей поле взаимности в поле залоговости. Порождающая модель поля взаимности, подвергаясь в процессе реализации в речи конвергенции (от сложносочинённого предложения к простому и слову) и дивергенции (от слова к простому предложению и сложносочинённому предложению), является в тексте и сложносочинённым предложением, и простым, и сочетанием слов в членах предложения – их фразеологизацией, и словом, несущим информацию о взаимных отношениях. Автором поднимается проблема субъективно-объективного характера функционально-семантической категории темпоральности, раскрываемая во взаимодействии с хронотопом поля взаимности, что важно для методологии исследования функционально-семантических полей и лингводидактики. При этом выявляется автономность субъективного времени поля взаимных отношений, фиксируемого преимущественно лексически (периферией функционально-семантических категорий), и объективность семантики грамматического центра функционально-семантической категории темпоральности, реализующейся в речевых актах мысле-рече-языковой деятельности относительно момента речи.

Ключевые слова: темпоральность, объективное и субъективное время, хронотоп поля взаимности, предмет взаимных отношений.

INTERACTION OF FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY: FSC OF RECIPROCITY AND FSC OF TEMPORALITY

V. Radzikhovskaya

Moscow State Pedagogical University

1 build. 1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russian Federation

Abstract. The article explores the interaction of fields (reciprocity and temporality), i.e. the task posed in the functional grammar, that highlights the field of reciprocity in the field of voice. The generating model of the field of reciprocity undergoes the convergence in the process of realization in speech (from a complex sentence to a simple word) and divergence (from a word to a simple sentence and a complex sentence). In the text, the model can be a complex sentence, and a simple one, and a combination of words in the sentence members - their idiom, or a word that carries information about mutual relations. The author raises the problem of the subjective-objective nature of the functional-semantic category of temporality, which is revealed in inter-

action with the chronotope of the field of reciprocity. This is important for the methodology of research of functional-semantic fields and linguodidactics. The author reveals the autonomy of the subjective time of the field of mutual relations, which is fixed mainly lexically (the periphery of the functional-semantic categories). As well as the objectivity of the semantics of the grammatical center of the functional-semantic category of temporality, which is realized in speech acts of thought-speech-language activity.

Key words: temporality, objective and subjective time, chronotope of the field of reciprocity, the subject of mutual relations.

Исследование функционально-семантической категории (ФСК) взаимности проводится с целью выявления её формирования и функционирования на основе понимания её **порождающей модели и программы информирования** о взаимном значении, заложенном в деструктурном состоянии слова [14; 27]: *действия субъектов, связь которых обусловлена их объектной зависимостью друг от друга, прямой или косвенной*, – развёрнуто представленной в тексте сложносочинённым предложением (“ $A_s:Pr:V_o + V_s:Pr:A_o$, где A_s – субъект, он же объект, V_o – объект, он же субъект” [20]), способным сворачиваться в простое предложение $A_{so}:Pr:V_{os}$, уплотняться (конвергироваться) по форме в A с V -ом :Pr или A и $V:Pr$ *друг друга (друг с другом, друг за другом и т. д.)*, используя местоимённые построения взаимного значения, в словообразовательные конфикальные формы взаимно-возвратных глаголов, вплоть до слова, вновь открытого для исходной дивергентной конструкции сложного предложения [26], в целом при этом опираясь на концепцию **оценки** как основания формирования мысле-рече-языковой деятельности и языка как результата этой деятельности [2; 5].

Сама ФСК взаимности поэтому понимается широко, включая в себя полувзаимные глаголы, затронутые ещё

в исследовании Н.А. Янко-Триницкой [39], но не только глаголы, обозначающие ответное действие, такие как *отозваться, откликнуться*, по А.В. Попову [23]. Под наблюдением оказываются также глаголы, инициирующие создание поля взаимных отношений, например, *спросить, позвать*. Кроме того, из эксперимента не исключаются глаголы, определённые нами¹ как взаимно-объектные, не ускользнувшие от внимания проф. В.П. Недялкова в его типологии взаимных конструкций [16]. Известными грамматическими трудами А.А. Холодовича [35], В.С. Храковского [36], лексико-семантическим трудом Ю.Д. Апресяна [1] поддерживается рассмотрение в пределах функционально-семантической категории взаимности конверсной лексики, формирующей ситуацию взаимных отношений (*купить – продать, спросить – ответить* и т. д.). В семантическое поле взаимных отношений попадает также позиция объекта взаимных отношений как момент порождающей модели взаимной семантики, не безразличной к её лексическому наполнению, что отмечает лексикография толкованием исследуемого язы-

¹ Подробнее см.: Радзиховская В.К. О залоговой характеристике глаголов взаимного действия // Развитие и функционирование русского глагола. Сборник № 133. Волгоград: Издательство Волгоградского пединститута имени А.С. Серафимовича, 1980. С. 61–69.

кового материала [27], банк которого представлен в нашем эксперименте более 6000-ами фактов. Номинация так называемого нами «предмета взаимного интереса» настолько существенна в создании поля взаимности, что позволяет исследователю рассматривать ФСК взаимности не только из её грамматического центра, формирующегося в поле залоговости, солидно обследуемого в функциональной грамматике, но и приглашает нас войти в функционально-семантическое поле взаимности со стороны лексической периферии: периферия же, конечно, ориентируется на грамматику, чтобы не выпасть из языковой системы, и нарабатывает лексику грамматической значимости [3, с. 14], с помощью которой формируется и грамматическое единство ФСК взаимности как её категориальная единица [3, там же]. При формировании грамматического единства ФСК взаимности используются слова-квалификаторы (лексика грамматической значимости), например, *взаимно все друг за друга ручаемся* [9, т. I, с. 208], *обоюдное нарушение* (спорт. комментатор, ТВ, «Самара», 2018), *вдруг песня хором грянула / Удалая, ... согласная* – ‘приведенная по звучанию в согласие’ [17, с. 11] и др. Что лексико-грамматическое единство не препятствует истолкованию поля как единства грамматического [3, с. 14], подтверждается и становлением грамматики в онтогенезе, которое и держит связную речь, ведёт ребёнка в язык в периоде своеобразной детской речи [28]. Наименование объекта взаимных отношений по-разному участвует в формировании соответствующей ситуации: предмет может быть не назван, а может сознательно утаиваться,

но может и поглощаться (квантоваться, например, с глаголом) – лексикализоваться: ...*За скромным обедом вяло перебрасывались незначительными замечаниями* (Шолохов), фразеологизироваться: *«дело дошло до ножей, до драки»* [9, т. III, с. 460]. И исчезать полностью. Оставаясь в этом движении свободной, лексическая периферия сохраняет свою автономию (об автономности периферии как свойстве сложной системы см. [13, с. 314]), сохраняя иерархичность как свойство самоорганизующихся сложных систем, и в этом отношении не затрагивать грамматический центр поля ФСК. Однако именно на периферии грамматические категории «теряют свой застывший и неподвижный вид и становятся принципами бесконечно разнообразных значений в зависимости от живого контекста речи» [15, с. 196]. В поле взаимных отношений на периферии ФСК взаимности в лексике усиливается центробежное движение, возникает явление вторичной номинации предмета взаимного интереса. Центростремительные силы ведут периферийную лексику в функциональный центр ФСК взаимности в речи – ФСП взаимности – в грамматическую основу коммуникативной единицы, предложения: *Взаимно.; Долги погашаются.* – выстраивают коммуникацию.

Одна и та же порождающая модель поля взаимных отношений: действие субъектов, связь которых обусловлена их объектной зависимостью друг от друга, прямой или косвенной, – естественно реализуясь на глагольной основе [20], в силу тяготения периферии к центру, стремления попасть в грамматическую основу коммуникативной единицы допускает отклонения в

пользу имён. В грамматической основе предложения могут оказаться имена – наименования лиц – *субъектов* взаимных отношений в сказуемом, и предмета взаимного действия – *объекта* в подлежащем конструкции страдательного залога, и как вариант этого последнего предметного проникновения в построение предложения могут оказаться наименования *орудий действия*, выступающие как квалификаторы характера взаимных отношений (*они на ножах* [9, т. III, с. 460]). Таким образом, порождающая модель поля взаимности подвижна и позволяет в речи использовать частеречную организацию семантики взаимных отношений в стилистических целях.

В поле взаимных отношений происходит взаимодействие всех ведущих к формированию ФСК взаимности категорий:

– более всего **конструирующей** её – функционально-семантической категории персональности (в которой происходит уравнивание действующих сторон)¹;

– **адаптирующей** ситуацию взаимных отношений по оценке – функционально-семантической категории модальности (благодаря чему смещается и даже исчезает в представлении взаимных отношений противоположение по реальности/нереальности)²;

¹ см.: Кирьянов А.П., Радзиховская В.К. Синергетизм квантовой парадигмы в научно-практической деятельности // Проблемы исторического познания: сборник статей. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 77–93.

² см.: Кирьянов А.П., Радзиховская В.К. Причинность и случайность альтернативы в сложной системе. // Проблемы исторического познания: сборник статей. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 120–138.

– **координирующей** актуализацию взаимного значения – функционально-семантической категории темпоральности (поскольку поле взаимности имеет свой хронотоп), – что и является здесь предметом особого внимания;

– пространство и мера поля взаимности организуется функционально-семантическими категориями предметности и квантитативности;

– направление движения поля взаимности регулируется функционально-семантическими категориями причины/цели – следствия, что в целом, отвечая на вопрос: *кто/что направляет* это движение, *правит миром*, – по **оценке** и функциональной целесообразности [2, с. 11] поднимает языковую культуру до уровня формирующегося на данный момент феномена «языкового идеала» [22], выводя всю триаду мысле-рече-языкового единства в эстетические категории *прекрасного* (*умного и доброго*), что сказывается на эстетической составляющей языка [4, с. 188–214].

В системе взаимодействия полей в ситуации взаимных отношений функциональная координация всех моментов мысле-рече-языкового действия обусловлена соотношением внешних по отношению к нему моментов и его собственным внутренним движением, поскольку **время** – это и есть отношение состояния *внешнего* мира к *внутреннему* состоянию рассматриваемого события – *пространство существования*. **Время** – это, по определению В.И. Даля, «пространство бытия», «длительность бытия»; «сила в своих *развитиях*» [9, т. I, с. 264] – **отношение бытия к бытию** («время за нами, время перед нами, а при нас его нет» [9,

т. I, там же]) – сказать что-либо надо вовремя. Такое понимание *времени* даёт основание принять определение времени, данное В.П. Катаевым: «Время есть отношение небытия к бытию» (ТВ, «Культура», 26.12.2016) – это как раз *время при нас*, которое мы можем / не можем понимать, осваиваем (осваивая, не всегда понимаем), создаём, отражая ситуацию поля взаимных отношений как закрытую структуру.

В темпоральности поля взаимности мы различаем два плана: **внешний**, состоящий в соотнесённости времени взаимных отношений с моментом речи, и **внутренний**, представляющий соотношение времени действия участников взаимного действия относительно друг друга. Фоновой по отношению к полю взаимных отношений выступает лексика, которая находится на периферии системы средств, обслуживающих языковое поле взаимности, но в которой также кодируются временные параметры интересующего нас события – фрагмента поля взаимных отношений. Для каждого момента поля взаимных отношений есть определённое пространство-время (свой хронотоп): **взятка** – событие названо по предмету взаимных отношений со стороны адресата, в исторических документах XIX в. оно фиксировалась и как **подарок** для *благосклонности*, и как **защита от проблем** (историк Е. Корчмина, Радио России, «Persona grata» В. Ушканов, 23.07.2016) – номинация шла со стороны адресанта, как и используемое ещё в современной речи **благодарность**; **взятка** и **взятничество** – «систематическое пользование взятками» [32, т. I, столбец 286] различаются по временным параметрам.

К внешним воздействиям носителей темпоральной семантики относятся лексические компоненты в обстоятельственных синтаксических конструкциях, выстраивающие поле взаимных отношений. Контекст так или иначе модифицирует временные параметры поля взаимности: *И он [Бах. – В. Р.] приспособился между двумя хоралями бегать в ближнюю пивнушку: отыграет начало – и туда; пока длится проповедь, вполне успеешь вытянуть кружечку, поговорить с друзьями; а как проповедь подходит к концу, он опять на месте, за органом, опять – хорал...* [29, с. 478] – внутреннее время поля взаимных отношений: *поговорить с друзьями* – измерено здесь внешними по отношению к нему событиями: *пока длится проповедь и между двумя хоралями* – известными своими временными параметрами относительно к моменту речи; *Я покорюсь моему счастью так, как другие покоряются несчастью, но я не могу отделаться от страха перед будущим.* [6, с. 69] – план будущего определяется во внешней характеристике по отношению к моменту речи конкретной ситуации или в обобщённом вневременном значении: **Контракты, как и люди, недолговечны** (полемика по ТВ, 2015).

Внутреннее время взаимных отношений, понимаемое как ‘длительность’ [38, с. 137] протекает неоднородно: *У меня с ним разговор короткий* [31, с. 44]; *Был он долгов до тоски – Летний бой за этот самый Населённый пункт Борки* [31, с. 124]. Поле взаимности в языке-речи-мысли хранит механизмы согласования всех моментов действия, определяемых субъективными временными параметрами, его создаю-

щими. Внутреннее время поля взаимности как синхронизация взаимных действий есть результат выключения его из внешних взаимодействий.

А. Герман: *У счастья нет времени, ни прошлого, ни будущего, есть только мгновения, такие вспышки* («Памяти А. Герман» – док. фильм, ТВ, «Культура», 2014). Близкое к такому пониманию темпоральной характеристики поля взаимности, получающего номинацию *счастье*, кроется и в несогласии с выражением: *С новым годом, новым счастьем*, – высказанным профессором Университета культуры Е. Атикович: *Счастье либо есть, либо нет. Это не та категория, которая обновляется* (Радио России, 06.2016), понимание своего субъективного времени, может быть, интуитивное понимание/непонимание автономности темпоральной характеристики взаимодействия с миром является и в высказывании Базарова: *А что касается до времени – отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня* [34, с. 47] – *‘Мое время главное, я веду время, я правлю миром’*, – так выводит И.С. Тургенев главного героя своего времени.

Онтологически соотнесение внутреннего субъективного времени поля взаимности (как события) с осью внешнего объективно текущего времени (фиксируемого субъективными речевыми актами в реальном мире), в котором «прячется» *счастье, судьба*, основанная на реализации взаимных отношений, становится точкой отсчёта для выяснения субъективного будущего: *Гадает ветреная младость, / Которой ничего не жаль, / Перед которой жизни даль / Лежит светла, необозрима; / Гадает старость сквозь очки / У*

гробовой своей доски, / Все потеряв невозвратно; / И все равно: надежда им / Лжет детским лепетом своим. [25, гл. 5, стр. VII].

О времени соотнесения взаимных отношений писателя с миром – субъективном времени поля взаимности, очевидно, говорил В.П. Катаев, когда советовал писать воспоминания не в хронологическом порядке, думая о времени не по отношению к моменту речи, но о том моменте времени, которое хранится в слове как стимуле порождения речи. В его определении времени («Время есть отношение небытия к бытию» – ТВ, «Культура», 26.12.2016), как и в приведённом высказывании тургеневского героя, время просматривается с точки зрения его восприятия, возможности/невозможности познания и освоения. На основании этой связи, устанавливаемой посредством обработки информации, может быть, появляется антиципация (предвосхищение) событий. Определение В.П. Катаева приемлемо с позиции квантовых представлений о мире и взаимодействии в нём. Этот временной параметр представляется не грамматической организацией речи, не моментом речи, но лексической компонентой языка – словом как мерой времени – и измеряется памятью мозга – событием. Моя дочь, когда пошла в детский сад, недели через две вдруг попросила веревку. – «?» – *«На прогулке я буду вязать узлы и буду знать, когда ты за мной придешь»*. (Таня Кирьянова, 1983 г.р., запись 1987 г.) – придумала, как измерить время – своё субъективное время. К поиску более объективного непосредственного восприятия времени пришёл её сын, когда определил время по отношению к солнцу. Февральским

вечером, уходя из детского сада, он стал приглашать детей из своей группы собраться в субботу или в воскресенье на детскую площадку возле его дома. «Когда, в какое время?» – спрашиваю. Вглядываясь в тёмное небо зимнего вечера, отвечает: «*Когда солнце будет наверху*». (Костя Ватолкин, 2010 г.р., запись 2017 г.).

Субъективное время прослеживается в разной темпоральности имён, фиксирующих ситуацию взаимных отношений: *женильба – свадьба, замужество – супружество* – различаются во временных параметрах по длительности. Как-то 5-летний Костя обратил внимание, как ребёнок по радио рассказывает, что он рисует: «...*это мои друзья .., а это наша воспитательница, с горы на санках катится, ..а это мои будущие родители ... очень красивые*». – Заинтересовался: *А что такое будущее родители*. – заметил противоречивость временной характеристики слов (Костя Ватолкин, запись 2015 г.).

Поле взаимности формируется временем, стремящимся к единству его субъектов относительно друг друга – внешнего объекта действия, поэтому при поддержке внезапным значением возникает эффект усиления взаимного значения: *И новые друзья ну обниматься, ну целоваться!* [11]) – глагол в неопределённой форме, поддержанный междометной частицей *ну*, характерной для обозначения «при инф. имеющем знач. “начал, принялся делать что-н.”» [32, т. III, столбец 830] в ситуации взаимодействия, передаёт неожиданное интенсивное – сокращённое по длительности – взаимное действие.

В поле взаимности различаются (различает и [40]) отношения одно-

временности и последовательности действий его участников; в поле одновременных взаимных действий (или понимаемых одновременными) различается фаза вступления в поле взаимных отношений – *конвергенции* ($\rightarrow\leftarrow$), фаза синхронизации ($\rightarrow\leftarrow$), собственно взаимного действия, и фаза выхода из него – *дивергенции* поля взаимности ($\leftarrow\rightarrow$). Сложность временной характеристики взаимного действия в её уникальности для каждой ситуации: действие может быть многомерно в количественном и качественном отношении и противоречивым по оценочной компоненте: например, в состоянии погружения в поле взаимных отношений, когда [Базаров] *перестал говорить с Аркадием об Одинцовой, перестал даже бранить её «аристократические замашки»*; правда, Катю он хвалил по-прежнему и только советовал умерять в ней сентиментальные наклонности, но похвалы его были торопливы, советы сухи, и вообще он с Аркадием беседовал гораздо меньше прежнего... он как будто избегал, как будто стыдился его... [34, с. 103] – ‘Базаров в фазе конвергенции оберегает своё поле взаимных отношений от внешних воздействий’, – его взаимодействие с миром количественно и качественно меняется.

Одновременное взаимное действие производится одновременно его участниками: *Клейн и Лисецкий переглянулись ещё красноречивее, чем прежде и пожалы плечами* [24, с. 32]. Тем не менее, одновременность в поле взаимных отношений весьма относительна, например, *приветствия* при встрече или расставании лишь стремятся к одновременности: • *Все хлопает. Онегин входит: / Идёт меж кресел по ногам,/*

Двойной лорнет, скоясь, наводит / На
 ложи незнакомых дам; / Все ярусы оки-
 нул взором, / Всё видел: лицами, убором/
 Ужасно недоволен он; / С мужчинами со
всех сторон / Раскланялся, потом на
сцену/ в большом рассеянии взглянул,/
Отворотился, и зевнул... [25, с. 14] – и
 действие *раскланяться* можно лишь
 приравнять к таким одновременным
 взаимным действиям физического
 движения, как *встретиться, разъ-
 ехаться*. Во временном отношении
 по-разному складывается сама ситуа-
 ция приветствия: *Николай Петрович*
быстро обернулся и, подойдя к челове-
ку высокого роста в длинном балахоне
с кистями, только что вылезшему из
тарантаса, крепко стиснул его обна-
женную красную руку, которую тот не
сразу подал [34, с. 22].

Темпоральные возможности гла-
 гола движения в поле взаимности об-
 условливаются лексически: движение
 по этикету – психофизическое дви-
 жение, обусловленное культурой со-
 циума и проблемное в межъязыковом
 общении: *раскланяться* – «с кем-чем.
 1. Поклониться друг другу при встрече
 или расставании...2. *перен.* Навсегда
 распрощаться (разг. ирон.)» [32, т. III,
 столбец 1221] – по теории нейтрализа-
 ции значений форм (фонем и морфем)
 М.В. Панова, в этом случае видится
 также нейтрализация лексического
 значения ‘интенсивного взаимного
 действия’, видимо вследствие развития
 противоположного антивзаимного
 значения, чему способствует конфик-
 сальная модель образования глагола:
 ‘раз... ..ся’, интонационно закрепляе-
 мая по оценке, как и в окказиональном
 употреблении глагола *разговориться*:
Н-да... Речи неладные... Не первый раз
я слышу их, и всё более они не нравятся

мне... Когда-нибудь мы с тобой, Пётр,
разговоримся навсегда [8, с. 59] ‘реча-
 ми разойдёмся’ – в ситуации развития
 антивзаимного значения интонацией
 нейтрализуется собственно взаимное
 значение: «|| с кем-чем вступить в бе-
 седу или затянуть, продлить беседу...,
 пустившись в подробности» [32, т. III,
 столбец 1141] – в разных значениях
 слова имеют свои временные параме-
 тры.

Внутреннее время поля взаимно-
 сти растяжимо: *Отсюда версты три /*
Есть дьякон... тоже с голосом... / Так
вот они затеяли / По-своему здоро-
ваться на утренней заре [17, с. 121].
 Именно относительная одновремен-
 ность взаимных действий способ-
 ствует различению фаз развития поля
 взаимности: а) *Они сошлись: волна и*
камень./ Стихи и проза, лёд и пламень/
Не столь различны меж собой./ Спер-
ва взаимной разнотой/ они друг другу
были скучны; / Потом понравились;
потом/ Съезжались каждый день вер-
хом,/ И скоро стали неразлучны./ [25,
 с. 35]; б) *И, слово за слово, знакомятся*
они. Потом дружатся, / Потом не мо-
гут уж расстаться [11].

В одновременности взаимных дей-
 ствий проступает динамическая не-
 однородность протекания взаимных
 отношений в сложных системах из-за
 наличия своего временного параметра
 для каждого участника взаимного дей-
 ствия: – *Сколько времени мы с вами не*
виделись, однако! – сказала она. – Пять
лет! За это время сколько воды в море
утекло, сколько произошло перемен,
даже подумать страшно! Вы знаете,
я замуж вышла... из графини стала
княгиней. И уже успела разойтись
с мужем [37, с. 241]. Для реализации
 взаимного действия важна как раз

соотнесённость временных параметров участников взаимного действия, способствующая синхронизации их субъективного времени. В языках для изображения этого соотношения складывается закон согласования временных форм глагола, в русском языке регулируется употребление видовременных форм глагола. Проблема динамической неоднородности темпоральности поля взаимных отношений замечена Р. Рождественским в «Балладе о разнице во времени»: *Вдруг твоё люблю прошло, потому что существует эта разница во времени* [30, с. 87]; собственно, проблеме синхронизации субъективного времени любви посвящён роман А. Пушкина: (Онегин) *Я знаю: век уж мой измерен: / Но чтоб продлилась жизнь моя. / Я утром должен быть уверен, Что с вами днём увижусь я...* (Письмо Онегина к Татьяне [25, с. 162]) – (Татьяна) *Когда б надежду я имела / Хотя редко, хоть в неделю раз, / В деревне нашей видеть вас, / Чтоб только слышать ваши речи, / Вам слово молвить, и потом / Все думать, думать об одном / И день и ночь до новой встречи.* (Письмо Татьяны к Онегину [25, с. 61]) – каждый идёт в своё время. Именно несовпадение субъективного времени субъектов поля взаимности препятствует реализации взаимных отношений в положительном ключе: *На суд взыскательному свету / Представить ясные черты / Провинциальной простоты, / И запоздалые наряды, / И запоздалый склад речей; / Московских франтов и Цирцей / Привлечь насмешливые взгляды!.. / О страх! Нет, лучше и верней / В глуши лесов остаться ей* [25, с. 135]. Разница в течении субъективного времени предъявляет требования к языковому

коду и налагает правила речевого поведения, корректирующие трудности взаимных контактов (необходимость ласки и внимания к детям, уважения к старшим и т. д.): *Генерал стоит над нами, – / Оробеть при нём не грех, – / Он не только что чинами, / Боевыми орденами, / Он годами старше всех. // Ты, обжёгшись кашей, плакал, / Ты нешком ходил под стол, / Он тогда уж был воякой, Он ходил уже в атаку, / Взвод, а то и роту вёл* [31, с. 105].

Отношения последовательности выступают при поочередном выполнении взаимного действия его участниками. Причём временные маркёры (*сначала один – потом другой*) могут выражать, но необязательно выражают именно взаимный характер такого действия. В предложении: *Сначала вы сказали, а потом и я сказал.* «Э! – сказали мы с Петром Ивановичем...» [7, с. 41] – не выражается взаимных отношений, поскольку в этой ситуации, как известно, действия осуществлялись в одном направлении – это совместное действие, а взаимное действие имеет взаимно направленный характер: либо взаимно конвергентный, либо взаимно дивергентный – здесь можно заметить динамически неоднородное действие в поле взаимности нескольких субъектов. Взаимные действия последовательного характера (а точнее одновременно-последовательного – смешанного характера) представлены в предложении: *Я не находила слов выразить мой восторг и удивление; я только бросилась ей на шею, и мы долго нежничали, и смеялись, и говорили всякий вздор от радости* [10, с. 101]. Техника речи предполагает поочередность выполнения речевых действий, но сложность мысле-рече-языково-

го действия состоит в нелинейности его характера, что проявляется в «совмещении» актуализации речи его участников (антиципации в процессе восприятия собеседниками поступающей информации), особенно ярко проявляющемся в свободном разговоре. Для выражения последовательно осуществляемых действий в поле взаимности в русском языке используется словообразовательная модель, обеспечивающая такой хронотоп: префиксально-постфиксальное образование от переходных глаголов с приставкой: *пере... ..ся*, чаще поэтому используемое в форме несовершенного вида (*перебрасываться, переглядываться, перекоряться, переписываться, перебрехиваться* – прост., замечено в живой речи окружения, осужд.): *И мы долго так переглядывались с ней, и оба только делали вид: я – будто книжку читаю, а она – будто рубашку шьёт* [18]. Сходная ситуация по темпоральной характеристике передаётся фразеологическим сочетанием *обмениваться взглядами: Клейн и Лисецкий удалились за шкафы и после короткого совещания вернулись, время от времени обмениваясь грустными, но красноречивыми взглядами* [24, с. 33]; одноактность взаимного действия представляется формой совершенного вида: *...И путешественник залётный, / Перекрахмаленный нахал, / В гостях улыбку возбуждал, / Своей осанкою заботной, / И молча обмененный взор / Ему был общий приговор* [25, с. 158].

Внутреннее время поля взаимности выражается не столько грамматически, сколько словообразовательными и лексическими средствами, подсказывается контекстом и ситуацией (словообразовательно видовой фор-

мой глагола – способом действия – характером распределения действия во времени, касаясь и события взаимных отношений). Субъективное время прослеживается в разной темпоральности имён, фиксирующих ситуацию взаимных отношений: *женитьба – замужество – супружество* – не совпадают во временных параметрах, как и в меняющейся временной характеристике находится упомянутое слово *родители*: (в разговоре с молодёжью) *будущие родители* – (ребёнок в детском доме рисует и мечтает о жизни в семье) *...а это мои будущие «родители»*; имена лиц в поле взаимности имеют разные временные параметры: *Катюша Маслова* и *подсудимая Екатерина Маслова* из романа Л. Толстого «Воскресение» – имеют разные временные ориентиры.

Наличие у взаимного действия своего внутреннего времени доказывается также возможным и даже часто встречающимся разрывом внутреннего времени взаимного действия, когда встречные взаимные действия разнесены во времени (*Татьяна – Онегин*). Разнесённые во времени, встречные акты взаимных действий нарушают цельность поля взаимных отношений. В то же время поле взаимных отношений как факт случившегося сохраняется и при разнесении взаимных действий во времени, потому что мера взаимного действия количественно и качественно непосредственно с объективным временем не соотносится, однако память следствие событий взаимного значения сохраняет и имеет влияние на развитие взаимных отношений, в связи с этим просматривается и несостоятельность реализации взаимности/антивзаимности по оценке: *Я верю во взаимность: вы ударили*

меня – я ударю вас («Радиогурман», Радио России, 29.05.2016.) – временной план внешнего воздействия будущего ослабляет временное значение по реальности.

Столкновение внутреннего времени поля взаимности с временем момента речи может дать разные эффекты на фоне разной модальности, поскольку внутреннее время взаимного действия определяется модальным фоном, в котором оно протекает. Модальность общения участников взаимного действия может влиять на его временные параметры и реальность. Например, сбой с побудительной модальности *просьбы, совета* на реальную модальность, когда вместо вопроса, обсуждения даётся ответ, предлагается решение, упреждается возможное ответное действие: («Мой секундант? – сказал Евгений – / Вот он: мой друг, *monsieur Guillot*,) / Я не предвижу возражений / На представление моё! / Хоть человек он неизвестный, Но уж, конечно, малый честный». / Зарецкий губу закусил. [25, с. 116] – упреждение отрицательного ответа, хотя и бездоказательное, и ложное, регулирует здесь внутреннее время взаимных отношений: отрицательный ответ исключается.

Внешнее время, являющееся в реальной модальности при реализации порождающей модели глагольной структурой, представляется отношением к моменту речи. Исследование взаимодействия временного плана поля взаимного значения и его контекста способствует выявлению позиций усиления или ослабления взаимного значения, *модификации* (модуляции) контекстом оттенков значения заданного формой временного параметра: *всегда, редко, никогда не виделась...* и

т. д.) и нейтрализации, представленного формой значения (движения его в другой временной план), как эта проблема поставлена в позиционной грамматике М.В. Панова [21].

Временной план будущего обычно ослабляет реальность взаимного действия, даже по обоюдному желанию направленного на конвергентное развитие, и ведёт к модификации значения взаимных отношений: *Прощаясь с Базаровым, Одинцова протянула ему руку и сказала: «Мы ещё увидимся, не правда ли?» – «Как прикажете», – ответил Базаров. – «В таком случае увидимся»* [34, с. 120].

В плане будущего, однако, может быть и усиление реальности создания поля взаимности с разными оттенками, например, с оттенком перфектного значения: *Вы меня удивляете, господа, – промолвила Одинцова, – но мы ещё с вами потолкуем* [34, с. 96]; *Кто-нибудь ещё расскажет, / Как лежали там в тоске. / Третьи сутки кукиши кажет / В животе кишка кишке* [31, с. 119]. В модальности угрозы, предвещения нежелательных последствий возникает усиление значимости поля взаимности вследствие ожидания возможного развития антивзаимных отношений: – *Ладно, я с тобой завтра поговорю!* – *проворчал я и пошел спать* [18]; *Я поговорю с ребятами... Скоро у нас будет собрание об успеваемости* [18].

Перетекание в другой временной план, а тем более в другую модальность: *Я не предвижу возражений...* [25, с. 116] – ‘Я думаю, не будет возражений’; *Вдруг твоё люблю прошло...* – [30, с. 87] – ‘вдруг твоя любовь прошла’ – погружение глагольной формы в противоречивый контекст, её транс-

позиция может сказаться на отчётливости проявления семантики взаимных отношений, что может привести к нейтрализации грамматических форм [21]. Они становятся, по Д.Н. Овсянко-Куликовскому [19], *мнимыми* – не выполняют заданную им функцию¹.

Главным моментом представления временного плана поля взаимности (как и модальности) выступает **оценка** представления ситуации (приятия/неприятия её, осуждаемой, ожидаемой и т. д.). Прагматика оценочного фона, выстраивающего хронотоп взаимных отношений, просматривается в конверсных построениях диалога безотносительно к временной шкале в непосредственной ориентации по цели взаимных действий, которые могут и усиливать, и ослаблять поле взаимности.

Колебания в целесообразности поля взаимности, сомнение ослабляет и конкретно-фактическое и обобщённое значение времени (как в ситуации понижения реальности в плане будущего): *На Пьера нашло сомнение в справедливости того, что он был здесь вчера, виделся с Наташей и говорил с ней* [33, с. 600] – и, наоборот, в плане прошлого: *Только двое тех танкистов, / Тот водитель и стрелок всё глядят на гармониста, – / Словно что-то невдомёк. / что-то чудится ребятам, / В снежной кружится пыли, / **Будто виделись когда-то, / Словно где-то подвезли.*** [31, с. 57] – происходит усиление значимости поля взаимности.

¹ См. подробнее: Радзиховская В.К. О модификации и нейтрализации значения функционально-семантической категории взаимности // Межвузовский сборник: Переходность и синкретизм в языке и речи. М.: Прометей, 1991. С. 259–265.

По оценке перспектива желания взаимных отношений ведёт развитие поля взаимности в будущее: – *Я убеждена, что мы не в последний раз увидимся, – произнесла Анна Сергеевна с невольным движением* [34, с. 190].

По оценке в идеале поле взаимности не имеет определённого временного параметра: важен сам факт взаимных отношений, как нулевая фаза инициации взаимных отношений, но важна **гармонизация** соотношения длительности поля взаимности и временем, фиксируемым через функциональный центр ФСК взаимности – момент речи. Это она регулирует выбор частей речи в поле взаимности, развивает синтаксис, имея потенциал, заложенный в лексике.

Закрытость модели поля взаимности охраняет семантику взаимных отношений от непосредственного воздействия поля темпоральности, ориентированного на момент речи. За функциональную координацию темпоральных показателей лексики и грамматики, создающих хронотоп поля взаимности, отвечает конкуренция вариантных моделей, реализующих *порождающую модель поля взаимности, строящихся либо на основе глагола* – действия либо *имени* – именования *действия, субъектов* взаимного действия или *объекта* – «предмета взаимного интереса» и даже орудия действия (*дело дошло до ножей* [9, т. III, с. 460]). Для поля взаимных отношений всегда важно лексическое наполнение модели, сопряжённое значение длительности – в нём кроется механизм взаимодействия лексики и грамматики поля взаимных отношений при реализации порождающей модели: 1) через объект взаимных отноше-

ний, по-разному определяемый субъектами в разное время историческое и бытовое (*взятка – благодарность*); 2) именованная лиц (*будущие родители – будущие «родители»*) (в детской речи, при стилизации под детскую речь), *господа-товарищи*); 3) наиболее ответствен за функциональную координацию действия в поле взаимности глагол, что может сказаться на понимании/непонимании самого характера взаимных отношений (взаимного понимания, понимания друг друга, понимания друг другом) – последний случай самый трудный, когда слова все понятны, а поля взаимности нет, что показывает в поэтическом творчестве: [*«Привет!» – «Нет, я не пью».*] – [*«Удачный день!»*] / – [*«Ни слова*

о политике!»] – [*«Прекрасен / отсюда вид. – Давай присядем в тень».*] – [*«Все бабы одинаковы. Согласен.»*] / [*«Я рад тебе».*] – [*«Такое время, друг. – / «Хотья устал, но дышится свободно».*] – / [*«Оставим эти сплетни на досуг!»*] / – [*«Я некий подвиг совершил сегодня».*] / – [*«Так это ты увел мою жену?»*]. – [*«Ты прав. Мир тесен, но зачем толкаться? / Бери повыше!..»*] – [*«Голову сверну!»*] – / [*«Я сделал вечный двигатель. Признаться, / Одной кукушки не успел достать. Продай часы».*] – [*«А что она сказала?»*] – [*«Так значит, по рукам?»*]. – [*«Пойду искать Свою жену... и от него сбежала».*] [12, с. 63]

Статья поступила в редакцию
02.08.2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 472 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
3. Бондарко А.В. Системные и коммуникативные аспекты анализа грамматических единств // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000, с. 9–35.
4. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977. 264 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 639 с.
6. Герцен А.И. Кто виноват? М.: Госиздат «Художественная литература», 1948. 256 с.
7. Гоголь Н.В. Ревизор. Мёртвые души. М.: Просвещение, 1968. 562 с.
8. Горький М. Мещане // Полное собрание сочинений в 25 томах. Т. 7. М.: Художественная литература, 1968. С. 5–105.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Олма-Пресс, 2001.
10. Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М.: Советская Россия, 1989. 553 с.
11. Крылов И.А. Басни «Собачья дружба», «Пустынник и медведь» [Электронный ресурс] // Все басни : [сайт]. URL: <https://vsebasni.ru/krylov/> (дата обращения: 01.08.2017).
12. Кузнецов Ю. Разговор глухих // Русский узел. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1983. 235 с.
13. Лем С. Сумма технологии = Summa Technologiae / пер. с польск. Ф.В. Широкова. М.: АСТ, 2002. 668 с..
14. Лосев А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания. М.: Наука, 1989. С. 5–92.
15. Лосев А.Ф. О коммуникативном значении грамматических категорий // Статьи и исследования по языкознанию и классической филологии. Учёные записки МПГИ им. В.И. Ленина. 1965. Т. 234. С. 196–231.

16. Недялков В.П. Типология взаимных конструкций // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 276–280.
17. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо? // Стихотворения. Т. 3. Л.: Советский писатель, 1956. С. 327.
18. Носов Н. Витя Малеев в школе и дома // ЛитМир : [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/bg/?b=248345> (дата обращения: 28.08.2017).
19. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб.: Издательство И.Л. Овсяннико-Куликовской, 1912. 298 с.
20. Откупщикова М.И. Статус взаимного залога // Проблемы категории залога / отв. ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1978, С. 180–186.
21. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. 275 с.
22. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–62.
23. Попов А.В. Синтаксические исследования. Именительный, звательный и винительный, в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянском наречиях. Воронеж: типография В.И. Исаева, 1881. 307 с.
24. Прус Б. Кукла. М.: Вече, 1993. 448 с.
25. Пушкин А.С. Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Евгений Онегин. Роман в стихах. М.: Правда. 1969. С. 5–189.
26. Радзиховская В.К. Конверсивные и дисверсивные трансформы в поле функционально-семантической категории взаимности // Научные труды МПГУ. Серия: гуманитарные науки. Сборник статей. М.: Прометей, 2006. С. 92–98.
27. Радзиховская В.К. Лексикография поля взаимности в свете синергетики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2(24). С. 128–135.
28. Радзиховская В.К., Кирьянов А.П. О значении изучения детской речи для методологии лингвистических исследований // Преподаватель. 1998. Вып. 5(7). С. 18–21.
29. Рекемчук А.Е. Мальчики // Избранные произведения в двух томах. Т. I. М.: Художественная литература, 1977. С. 363–522.
30. Рождественский Р.И. Баллада о разнице во времени // Все начинается с любви: лирические стихи. М.: Молодая гвардия, 1977. 168 с.
31. Твардовский А.Т. Василий Тёркин. М.: Детская литература, 1967. 232 с.
32. Толковый словарь русского языка / под редакцией Д.Н. Ушакова. В 4 т. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
33. Толстой Л.Н. Война и мир. Том 4. М.: ГИХЛ. 1957. 357 с.
34. Тургенев И.С. Отцы и дети. Повести. Рассказы. Стихотворения в прозе. М.: АСТ Олимп, 1997. С. 19–211.
35. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука. 1979. С. 161–172.
36. Храковский В.С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 5–38.
37. Чехов А.П. Княгиня // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 7. [Рассказы. Повести], 1888–1891. М.: Наука, 1977. С. 236–247.
38. Шмелёв Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977. 168 с.
39. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Наука, 1962. 247 с.

40. Wilczewska K. Czasowniki zwrótnie we współczesnej polszczyźnie. Toruń: PWN, 1966. 171 s.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 472 p.
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [The language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 895 p.
3. Bondarko A.V. [System and communication aspects of the analysis of grammatical unities]. In: Problemy funktsional'noi grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii [Problems of functional grammar. Categories of morphology and syntax in the statement]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. pp. 9–35.
4. Budagov R.A. Chto takoe razvitiye i sovershenstvovaniye yazyka? [What is the development and improvement of language?] Moscow, Nauka Publ., 1977. 264 p.
5. Vinogradov V.V. Russkii yazyk [Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 639 p.
6. Gertsen A.I. Kto vinovat? [Who is to blame?]. Moscow, Gosizdat "Khudozhestvennaya literatura", 1948. 256 p.
7. Gogol' N.V. Revizor. Mertvye dushi [The Government Inspector. Dead souls]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 562 p.
8. Gor'kii M. [The Philistines]. In: Polnoe sobranie sochinenii v 25 tomakh. T. 7 [Complete works in 25 volumes. Vol. 7]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1968. pp. 5–105.
9. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t [Explanatory dictionary of the living great Russian language. 4 volumes]. Moscow, Olma-Press Publ., 2001.
10. Kovalevskaya S.V. Vospominaniya. Povesti [Memories. Stories]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989. 553 p.
11. Krylov I.A. [The fables "Dog's friendship", "The Hermit and the Bear"]. In: Vse basni [All fables]. Available at: <https://vsebasni.ru/krylov/> (accessed: 01.08.2017).
12. Kuznetsov Yu. [The conversation of the deaf]. In: Russkii uzел. Stikhotvoreniya i poemy [The Russian knot. Verses and poems]. Moscow, Sovremennik Publ., 1983. 235 p.
13. Lem S. Summa Technologiae (Russ. ed.: F. Shirokov, transl. Summa tekhnologii. Moscow, AST Publ., 2002. 668 p.)
14. Losev A.F. [In search of building General linguistics as a dialectical system]. In: Teoriya i metodologiya yazykoznaniya [Theory and methodology of linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1989. pp. 5–92.
15. Losev A.F. [Communicative meaning of grammatical categories]. In: Stat'i i issledovaniya po yazykoznaniyu i klassicheskoi filologii. Uchenye zapiski MPGI im. V.I. Lenina [Articles and studies on linguistics and classical philology. Scientific notes of MPSI named after V.I. Lenin], 1965, vol. 234, pp. 196–231.
16. Nedyalkov V.P. [Typology of mutual constructions]. In: Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost' [The theory of functional grammar. Personality. Voice]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. pp. 276–280.
17. Nekrasov N.A. [Who is happy in Russia?]. In: Stikhotvoreniya. T. 3 [Poems. Vol. 3]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1956. pp. 327.
18. Nosov N. [Vitya Maleev at school and at home]. In: LitMir [LitMir]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=248345> (accessed: 28.08.2017).
19. Ovsyanniko-Kulikovskii D.N. Sintaksis russkogo yazyka [The syntax of the Russian language]. St. Petersburg, Izdatel'stvo I.L. Ovsyaniko-Kulikovskoy Publ., 1912. 298 p.

20. Otkupshchikova M.I. [The status of mutual voice]. In: Khrakovskii V.S., chief. ed. Problemy kategorii zaloga [Problems of voice category]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. pp. 180–186.
21. Panov M.V. Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka [Positional morphology of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1999. 275 p.
22. Peshkovskii A.M. [Objective and normative point of view on the language]. In: Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. pp. 50–62.
23. Popov A.V. Sintaksicheskie issledovaniya. Imenitel'nyi, zvatel'nyi i vinitel'nyi, v svyazi s istoriei razvitiya zalozhnykh znachenii i bezlichnykh oborotov v sanskrite, zende, grecheskom, latinskom, nemetskom, litovskom, latyshskom i slavyanskom narechiyakh [Syntactic research. Nominative, vocative and accusative, in relation to the history of the development of voice meanings and impersonal statements in Sanskrit, Zend, Greek, Latin, German, Lithuanian, Latvian and Slavic dialects]. Voronezh, tipografiya V.I. Isaeva Publ., 1881. 307 p.
24. Prus B. Kukla [Doll]. Moscow, Veche Publ., 1993. 448 p.
25. Pushkin A.S. Sobranie sochinenii v shesti tomakh. T. 4. Evgenii Onegin. Roman v stikhakh [Collected works in six volumes. Vol. 4. Eugene Onegin. A novel in verse]. Moscow, Pravda Publ., 1969. pp. 5–189.
26. Radzikhovskaya V.K. [Conversive and diversive transformations in the field of functional-semantic category of reciprocity]. In: Nauchnye trudy MPGU. Seriya: gumanitarnye nauki. Sbornik statei [Scientific works of MPSU. Series: Humanitarian Sciences. A collection of articles]. Moscow, Prometei Publ., 2006. pp. 92–98.
27. Radzikhovskaya V.K. [Lexicography of the field of reciprocity in the light of synergetics]. In: Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2009, no. 2 (24), pp. 128–135.
28. Radzikhovskaya V.K., Kir'yanov A.P. [About the importance of the study of child language for the methodology of linguistic research]. In: Prepodavatel' [Teacher], 1998, no. 5(7), pp. 18–21.
29. Rekemchuk A.E. [Boys]. In: Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. T. I [Selected works in two volumes. Vol. I]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. pp. 363–522.
30. Rozhdestvenskii R.I. [The ballad of the time difference]. In: Vse nachinaetsya s lyubvi: liricheskie stikhi [All begins with love: lyrical poems]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1977. 168 p.
31. Tvardovskii A.T. Vasilii Terkin [Vasily Terkin]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1967. 232 p.
32. Ushakov D.N., ed. Tolkovy slovar' russkogo yazyka V 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 volumes]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1935–1940.
33. Tolstoy L.N. Voina i mir. Tom 4 [War and peace. Volume 4]. Moscow, GIKHL Publ., 1957. 357 p.
34. Turgenev I.S. Ottsy i deti. Povesti. Rasskazy. Stikhotvoreniya v proze [Fathers and sons. Stories. Poems in prose]. Moscow, AST Olimp Publ., 1997. pp. 19–211.
35. Kholodovich A.A. Problemy grammaticheskoi teorii [Problems of grammatical theory] Leningrad, Nauka Publ., 1979. pp. 161–172.
36. Khrakovskii V.S. [Diathesis and reference (To the question of the relationship between active, passive, reflexive and reciprocal constructions)]. In: Khrakovskii V.S. Zalogovye konstruksii v raznostrukturnykh yazykakh [Voice structure in structurally different languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. pp. 5–38.

37. Chekhov A.P. [Princess]. In: *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. T. 7.* [Rasskazy. Povesti], 1888–1891 [Complete works and letters: In 30 vol. Vol. 7. [Stories. Novels], 1888–1891]. Moscow, Nauka Publ., 1977. pp. 236–247.
38. Shmelev D.N. *Russkii yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostyakh* [Russian language in its functional varieties]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 168 p.
39. Yanko-Trinititskaya N.A. *Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive verbs in the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1962. 247 p.
40. Wilczewska K. *Czasowniki zwrótnie we współczesnej polszczyźnie*. Toruń, PWN Publ., 1966. 171 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радзиховская Вера Казимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: lkryuchkova@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera K. Radzikhovskaya – PhD in Philological Sciences, associate professor, doctorate at the Department of modern Russian language, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: lkryuchkova@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Радзиховская В.К. К взаимодействию функционально-семантических категорий: ФСК взаимности и ФСК темпоральности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 113–129. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-113-129

FOR CITATION

Radzikhovskaya V.K. Interaction of functional-semantic category: FSC of reciprocity and FSC of temporality. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 5, pp. 113–129.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-113-129